

Как дети

О. Александр

Анна Владимировна Лелик

Кто выдумал сказку о безоблачном детстве? Наверное, тот, кто родился взрослым, человек, забывший, что сам был ребенком.

Миф о беззаботном детстве мне никогда не внушал доверия. И фраза взрослого, сказанная со вздохом ребенку: «Эх, мне бы твои проблемы», — обижала и отталкивала. Слишком свежи в памяти детские слезы, обиды и разочарования. Детство моё не было ни счастливым, ни несчастным. Как у всех детей, в нем были свои скорби и горести, свои радости и чудеса.

Недавно мне довелось пережить ощущение детского горя вновь. Моя четырёхлетняя дочь Маша забыла в садике любимую игрушку — ободранного тигрёнка. В 11 часов вечера из детской послышался плач. Маша сидела на кровати и горько плакала: «Я забыла в садике своего тигрёнка! Как он там будет без меня? Ему страшно и холодно. Он всю ночь не будет спать, будет смотреть в окно и плакать — где же его Маша!» В этих словах, полных слёз и надрыва, меня удивило то, что плакала она не о себе и не о том, что ей не уснуть без игрушки. Слёзы эти были о том другом, которому сейчас гораздо хуже. Глядя на неё, я понимала, что именно так рождается человек — скорбями и состраданием. Если проживать с ребёнком его горе и радости, жить его реалиями, жизнь эта уже не покажется шуточной и беззаботной.

Часто приходится слышать евангельскую цитату «будьте как дети». Фраза эта даже вошла в моду благодаря повсеместной пропаганде инфантилизма как образа жизни. И когда в очередной раз от ортодоксально настроенного человека я слышу, что, исполняя заповеди Христа, он бегаёт по газонам с разноцветными шарами, я недоумеваю.

Христос говорит — будьте как дети (см. Мф. 18, 3), и в этом «будьте» есть что-то знакомое, философское — быть, а не казаться. Создать видимость впавшего в детство человека легко, только выглядит это как-то не по-христиански приторно. Впадать в детство особенно хочется тогда, когда нет желания терпеть скорби и нести свой крест, а душу разъедает ядовитый ропот.

Но надеть короткие штаны с рюшами и прыгнуть в песочницу к шепелявым друзьям — это вовсе не путь восхождения, а наоборот. Психологи называют это регрессией, дорогой вспять. Хотя, безусловно, и среди психологических школ есть такие, которые поощряют подобные всплески «души» и безумные поступки. Люди платят деньги своим психоаналитикам, летают во снах и наяву и думают о личностном росте. А совесть, та самая, евангельская, которая живёт в каждом из нас, почему-то подсказывает, что всё это «счастье» бутафорское и искусственное. Популярные ныне философско-психологические тенденции в большинстве своём как раз отличаются позитивным отношением к атрибутам детства. Но, не вникая в истинный смысл понятия «детство», на деле они учат быть целеустремлённым и расчётливым, иметь высокую самооценку и такие же высокие амбиции и сформированное отношение ко всем и вся. Под запретом психологов находятся открытость и доверчивость, сострадание и принятие ближнего.

Мыльные пузыри, кувырки на траве и озорные поступки — безусловные атрибуты детства, его форма, но не суть. И по-евангельски чистыми и искренними эти детские выходки будут лишь тогда, когда будут соответствовать душевному настрою.

Сохранить в сердце частичку детства, остаться в душе ребёнком — вовсе не значит следовать инфантильным порывам души. И искренне радоваться восходящему солнышку и разноцветной от бензина луже можно лишь тогда, когда мы сможем и плакать, как дети, не надевая масок и не стыдясь своих чувств. Иначе и лужи, и солнце, и слёзы будут лишь маскарадным костюмом.

Душа ребёнка может жить в нас и дарить ощущение подлинности бытия. И совсем неважно, сидим ли мы в пыльных офисах за гудящими мониторами, ставим ли диагнозы в больницах или, с бóльшим или меньшим успехом, обрабатываем любой другой диплом.

Сохранить детство и оживить ребёнка в своей душе — значит вновь открыться миру, не гадая о цене, рискуя каждый миг, как рискует ребёнок, отдавая другу ту самую дорогую игрушку, купленную папой в командировке. Ребёнок в мир приходит именно таким — полным доверия и открытым миру. Но грех, вошедший в наше естество, в первые годы жизни заставляет глядеть на мир уже враждебно или, по крайней мере, с опаской.

Личностный рост, о котором сейчас так много шумят, на самом деле есть путь к человеку открытому и доверяющему, незлобивому и искреннему, возвращение к себе истинному, исконному. Путь этот лежит через весь мир, и идти по нему нужно всю жизнь. Сумевшие открыться и научившиеся доверять становятся святыми, постигшими Истину. Обросшие стереотипами и твердящие, что «никому нельзя нынче верить», — ворчливыми преждевременными стариками.

Ребёнок, которого мать ругает и шлёпает по мягкому месту, заливается слезами. И тут же тянет к ней ручки, доверчиво кричит ей «мамочка». Первоклассники, отчаянно дерущиеся каждый за свою правду, считают себя лучшими друзьями и не запоминают ни драк, ни обид. Каждый ли из нас так поступает со своим обидчиком и обличителем? Каждый ли так незлобив сейчас со своими родителями и предан друзьям, живущим каждый своей правдой? Этому незлобию и учит нас Христос, призывая быть словно дети. Этому незлобию учат нас святые. Батюшка Серафим, доверчиво встречая каждого и искренне ему радуясь, тоже имел горький опыт общения с людьми. Но опыт этот не родил предубеждения к людям. Да и мало ли их — святых, страдавших от предательств самых близких людей и не закрывавших никогда своего сердца и дверей своего дома?

Стать снова ребёнком — это пот и кровь. Через призму опыта и нажитой мудрости, ран и обид — снова открыть объятия миру, доверчиво склонив на плечо ближнему свою голову, — может каждый человек.

Дети беседуют с Богом. Иногда — твердят заученный и не понятный им текст молитв, но часто — говорят с Ним как с Близким, как с Отцом, забывая условности мира.

Я попросила свою семилетнюю дочь записать то, о чём она просит Бога. Захотелось оставить память о чистой детской просьбе (к сожалению, моё детство не оставило мне такой памяти). Она охотно согласилась и принялась за работу, предупредив меня, что будет писать только то, чего ей очень хочется.

Я готова была уже увидеть послание «деду морозу» с пожеланиями подарков и конфет, когда на мой стол легло письмо на листке в косую линию. Удивил красивый, ровный почерк, словно выведенный для высокой оценки. «Ты же сама говоришь, что Бог всегда рядом и всё видит!» — сказала Саша в ответ на моё недоумение. «А, ну да!» — только и нашла я что ответить (вот уж не думала, что ребёнок это примет так на веру).

Она просила то, чего ей очень хотелось: «Здравствуй, Бог! — было написано там. — Я хочу, чтобы у папы было всё хорошо с работой, а Маша слушалась маму. А у Насти не болел больше живот. Я бы хотела, чтобы Ты помог Диане, и она перестала колдовать над водой. До свиданья, Бог!» Это было письмо детства, с напоминанием о том, сколько важного утеряно где-то между средними и старшими классами школы, или когда-то ещё.

Может быть, не впадая в детство, а возвращаясь в него, и я ещё имею шанс снова научиться желать счастья ближнему как себе самой? И делать это своим желанием, своей потребностью, своей молитвой.